

УДК 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2026-1/263-271

Научная статья

© А. В. Фролова

НАРОДНО-МЕДИЦИНСКИЕ ПРАКТИКИ И ОТНОШЕНИЕ К ИНВАЛИДНОСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХАНГЕЛЬСКОГО СЕВЕРА)

При написании статьи автор использовал обширный полевой материал, собранный в деревнях и селах Архангельского Севера в 2005–2024 гг., а также материалы Мезенского историко-краеведческого музея. Автор продолжила свои исследования прошлых лет в рамках антропологии инвалидности. В статье анализируется феномен инвалидности в традиционном обществе на примере крестьянской среды Архангельского Севера. В процессе многовекового освоения края у севернорусского населения сформировалось определенное восприятие инвалидности, основанное в первую очередь на религиозно-нравственных и социальных представлениях. Автор выделяет такое сравнительно малоизученное в отечественной литературе явление как стигматизация инвалидов. Значительное внимание уделено народно-медицинским и обрядовым практикам севернорусского населения, феномену «знающего» и траволечению. Описываются наиболее любимые травы, которые наделены местными жителями исключительными исцеляющими способностями. Автор сравнивает время сбора лекарственных растений в разных районах Архангельского Севера, выделяя его северную часть, где сохраняется знаковая дата 7 июля годовой праздник Иванов день. Анализируя приведенный полевой материал, автор делает выводы, что при сохраняющемся значении народных знаний в традиции сбора трав и способах лечения, среди севернорусского населения присутствуют разнообразные традиционные представления об инвалидах и тенденция к их изолированию и стигматизации. Не утрачена в северной деревне вера в колдовство и исцеление магическими средствами. Феномен «знающего», претерпев определенные трансформации, достаточно устойчив и обладает локальной спецификой.

Ключевые слова: Архангельский Север, инвалидность, стигма, травы

Ссылка при цитировании: Фролова А. В. Народно-медицинские практики и отношение к инвалидности (по материалам Архангельского Севера) // Вестник антропологии. 2026. № 1. С. 263–271.

Фролова Александра Викторовна — к. и. н., старший научный сотрудник, ФГБУН Ордена Дружбы народов Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (Российская Федерация, 119334 Москва, Ленинский пр., 32А); ФГБУН Институт востоковедения РАН (Российская Федерация, 107031 Москва, ул. Рождественка, 12). Эл. почта: alexnauka2017@gmail.com ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6238-5274>

* Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, грант № 23-18-00214 «Цифровые технологии и качество жизни людей с ограниченными возможностями здоровья: сравнительный опыт пост-советских стран и Государства Израиль».

UDC 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2026-1/263-271

Original article

© *Alexandra Frolova*

FOLK MEDICINE PRACTICES AND ATTITUDES TOWARDS DISABILITY IN THE ARKHANGELSK NORTH

The author drew on extensive fieldwork conducted in the villages of Arkhangelsk Region in 2005–2024, as well as materials from the Mezen Museum of Local Lore. The research of the previous years was developed within the framework of Disability Studies. The article analyzes the phenomenon of disability in a traditional society using the example of peasant communities in the Arkhangelsk Northern Region. Over the course of centuries of development in the region, the North Russian population has formed a certain perception of disability based primarily on religious, moral, and social concepts. The author highlights the relatively understudied phenomenon of the stigmatization of disabled people. The article pays considerable attention to folk medical and ritual practices within the Northern Russian population and the phenomena of “those who know” or “wisemen” and herbalists. It describes the most popular herbs, which the locals believe to have exceptional healing abilities. The author compares the times at which medicinal plants are collected in different regions of Arkhangelsk, highlighting its northern part where the landmark date of 7 July, the annual Midsummer Day holiday, is still preserved. The author concludes that along with the continued importance of folk knowledge in the tradition of collecting herbs and treatment methods, there are various traditional ideas about people with disabilities among the Northern Russian population, and a tendency to isolate and stigmatize them. Faith in witchcraft and healing by magical means remains strong in northern villages. The phenomenon of the wiseman, having undergone certain transformations, remains stable and has local specifics.

Keywords: *Arkhangelsk North, disability, stigma, herbs*

Author Info: **Frolova, Alexandra V.** — Ph.D. in History, Senior Researcher, the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Moscow, Russian Federation); Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: alexnauka2017@gmail.com ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6238-5274>

For citation: Frolova, A. V. 2026. Folk Medicine Practices and Attitudes Towards Disability in the Arkhangelsk North. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 1: 263–271.

Funding: The study was supported by the Russian Science Foundation, grant №. 23-18-00214 «Digital Technologies and Quality of Life of People with Disabilities: Comparative Experience of the Post-Soviet Countries and the State of Israel».

Введение

Архангельский Север — условное административно-географическое название, принятое в литературе из-за частого изменения границ при переделах губерний,

а затем и областей. В настоящее время эта территория практически соответствует современной Архангельской области. Необычайная «живучесть» традиционной культуры в этих местах, ее оригинальность поражает и продолжает быть объектом исследования и в наши дни. На обширной территории, объединенной историческим и социально-экономическим развитием в течение длительного времени, сложился своеобразный комплекс народной культуры. Главную роль в этом процессе играло севернорусское население, обладающее уникальными культурными традициями. Эта культура, часто называемая поморской, созданная на краю ойкумены — культура аскезы, отказа, предельного упрощения и доведения идеалы простоты до своего идеального воплощения (Теребехин 2004: 45).

В процессе многовекового освоения края у севернорусского населения сформировалось и определенное восприятие инвалидности, основанное в первую очередь на религиозно-нравственных и социальных представлениях. В процессе адаптации к проживанию в жестких климатических условиях сложился и своеобразный комплекс народно-медицинских практик, включавший разнообразные способы лечения больных детей и взрослых. Вера в исцеление с помощью этих практик и способов продолжает бывать и в современной севернорусской деревне. В статье автор исследует несколько народных представлений в контексте антропологии инвалидности.

Источники и методы

Основными методами при сборе материала были: метод включенного наблюдения, при котором анализу подвергаются не только излагаемые факты, но и рефлексивно-эмоциональная и материально-бытовая среда, а также качественный метод анализа текстов интервью, собранных по авторской программе в экспедициях 2005–2024 гг. в Мезенском, Пинежском, Шенкурском р-нах Архангельской области.

Отношение к инвалидности: стигматизация и исцеление магией

Инвалидность — социальное явление и в каждом конкретном историческом периоде в обществе доминировали соответствующие модели инвалидности, описывающие этот феномен. Сегодня наиболее известны 12 моделей инвалидности, условно разделяемых на две парадигмы инвалидности: «старую» (традиционную, медицинскую) и «новую» (посттрадиционную, социальную). К традиционной парадигме, известной также под названием «медицинский подход», относятся моральная (религиозная), классическая медицинская, экономическая, реабилитационная модели и модель функциональной ограниченности (Jonston 2005; Калашиникова, Тринадцатко 2017: 277). От концептуальной модели инвалидности зависит и положение инвалидов в обществе, и выработка концепции социальной государственной политики в сфере инвалидности. В западной историографии также принято разделять понятие инвалидность и болезнь (Thomas 2007).

В ряде исследований для существования старой парадигмы четко определяют и временные рамки до XVIII в. (Retief, Letšosa 2018; Жаворонков 2014). Однако, анализ полевого материала автора показывает, что среди севернорусского населения продолжают существовать на бытовом уровне вместе моральная (религиозная) и медицинская модели инвалидности в виде разнообразных суеверий, предрассудков, страхов, общественного (соседского) мнения и социального одобряемого или неодобряемого

поведения. И в наши дни многие женщины рассматривают инвалидность как наказание от Бога за конкретные грехи, а самого инвалида как тяжело больного и несчастного человека, ограниченного в принятии решений и нуждающегося в лечении и опеке. Эти воззрения, переплетаясь с традиционными суждениями об инвалидности, трансформировались в представления о наказании за грехи матери (Фролова 2018: 29).

Традиционный народный уклад в целом исключал такое явление, как инвалидность и особенно детей-инвалидов. Крестьянин, ответственный в первую очередь за выплату податей и за воспроизводство всего строя традиционной сельской общины, не мог допустить разрушение цельной хозяйственной единицы, что во многом было связано с особенностью жизнедеятельности (Ефименко 1869; Бернштам 1983). О больных детях, о подростках с инвалидностью в традиционной деревенской среде очень мало известно, по отрывочной информации складывалась грустная мозаичная картина. Выживали немногие, т. к. с тяжелыми заболеваниями народная медицина справлялась далеко не всегда. Выживший ребенок-инвалид в семье был немым живым укором всем: родителям, родственникам и общине.

Традиционному обществу присуще не просто исключение инвалидов из своей среды, но и полное отрицание их существования. «У нас нет инвалидов», — часто слышу я от своих информаторов эту фразу. Более того, треть информаторов, рожденных в Советском Союзе, утверждала, что у них и больных детей не было.

Стигматизация людей с ОВЗ в традиционном обществе устоявшееся сложное явление, которое чаще всего проявлялось в изолировании людей с инвалидностью, исключении и их отторжении из социума. Первым в научное исследовательское поле ввел понятие и видов стигмы И. Гофман, уделяя большое внимание способам коммуникации между людьми (Гофман 1963). В исследованиях последних лет все большее место уделяется изучению проблем стигматизации инвалидности (Носенко-Штейн 2021; Ярская-Смирнова 2002; Симонова 2018).

Больных детей прятали от посторонних людей, практически не выпуская их из дома, не обсуждали эти проблемы с соседями, не желая «выносить сор из избы». Это была распространенная практика, на что указывали многие информаторы. Соседи, зная о существовании рядом таких детей, годами не видели их. Порой даже родственники не знали точных диагнозов заболеваний ребенка. Стигматизация людей с ОВЗ и взрослых, и детей ярко проявлялась и в народных неписанных правилах поведения для беременных женщин. Им не только запрещалось общаться и дотрагиваться до больных людей и инвалидов, но даже и смотреть на них, из-за опасения рождения ребенка с такими же заболеваниями (Фролова 2018).

В народной среде все надежды и чаяния возлагались на рождение только здорового ребенка. Для родившихся больными, слабыми или раньше срока детей, использовали большой комплекс лечения и совершали так называемые обряды «перерождения». На Архангельском Севере таким был обряд «перепекания» ребенка, у старожилов Сибири «продажи» ребенка. Подобные обряды встречаются у многих народов. Суть обряда заключалась в уничтожении образа больного ребенка, скрытия его от злых духов и болезни, получения нового здорового дитя.

Необходимо отметить, что многовековой опыт севернорусского населения, живущего в экстремальных природных условиях, отразился и в обширном знании бытовой магии. В крестьянской среде Архангельского Севера люди, обладающие магическим знанием и «контактирующие» с нечистой силой, всегда занимали особое место. Это явление можно назвать феноменом севернорусской культуры. Как пра-

вило, и по сей день в *кусте* (нескольких рядом расположенных деревень, объединенных родовыми и историко-культурными традициями) обязательно есть человек, который, по общему мнению, умеет колдовать — *знает*, как говорят местные жители. Обычно сами эти люди не склонны афишировать своё знание, и о них не говорят открыто, однако это не мешает всем окружающим знать, к кому следует обращаться в случае болезни, для поиска заблудившегося в лесу человека, для приворота возлюбленного и т. д. На Архангельском Севере таких людей называют *знатками*, *знающими*. Это самое общее наименование, отражающее не оценочную позицию, а суть явления: эти люди знают нечто, чего не знают другие, — обладают особым, тайным знанием — и ещё они знают с потусторонними силами. Весь комплекс тайного, магического знания и в наши дни называют *знатьём*. Фигура знающего возникает, когда «домашних» средств в лечении или других проблем оказывается недостаточно. *Знаток*, к которому обращаются за помощью, не обязательно сам принимает участие в обряде — он может просто дать *слова*: наговорить на предмет или написать заговор на бумажке и сказать, что с этим предметом и словами делать. Под определением *знающие* на Архангельском Севере подразумевают, как правило, добрых бабушек, пожилых женщин, лечащих травами, среди которых сильной *знающей* считалась та, которая способна заговаривать грыжи и главное снимать с детей сглаз. Как говорила Суховерова М. А., 1931 г. р. из деревни Шотова Пинежского р-на: «Урчат много — глазят — бабушки тоже лечат» (ПМА). В наши дни широко распространено представление о том, что излечить может лишь тот знающий, у которого сохранились все зубы. «Женщины были знающие, раньше Егоровна была нет-нет да и подлечит, а сейчас, говорит не могу, зубов совсем нет», — вспоминала Макурина Е. М. 1924 г. р. из села Дорогорское Мезенского р-на (ПМА).

По общему народному мнению, современное Пинежье и Мезень (Пинежский и Мезенский р-ны — А. Ф.) оставляют за собой славу районов, где больше колдуют. И в наши дни здесь продолжают рассказывать удивительные истории о способностях знающих, исцелениях, однако, обязательно добавляют, что сильных *знающих*, таких какие бывали раньше, теперь не стало.

Многие «излечивающие» обряды были связаны с порогом дома. Порог являлся сакральной символической границей между внешним чужим миром и своим домашним внутренним миром. На пороге проводили многочисленные народные ритуалы и лечебные действия. При боли в спине или пояснице взрослый человек ложился на порог, ребенка усаживали и проводили с ним определенные практики, кропили святой водой, поили отварами. Больных детей умывали от сглаза на пороге. Так, по воспоминаниям Кондратьевой М. И. из Шенкурска мама лечила ее израненные ноги: «Мама нальет в таз воды с травками, меня посадит на пороге и ноги в тазу обмоет, что-то наговорит я и сижу...». Как отголосок древней традиции погребения умерших новорожденных младенцев под порогом избы сохранилась угроза для расшалившихся детей: «Брошу под порог». По воспоминаниям Кондратьевой М. И., принимавшая у нее сложные роды фельдшерница сказала ей на рожденную и долго не подававшую голос девочку: «Брось ты ее под порог! Есть же девка у тебя» (ПМА).

Траволечение: можно ли излечить инвалидность?

На территории Архангельского Севера сохраняется высокий уровень знания населением местных трав и методов траволечения, как в прошлом, так и в настоящем.

В целом набор рациональных средств лечения определялся спецификой местных лечебных растений. Большое значение придавали исцеляющим способностям бани практически при всех заболеваниях. Естественно, при тяжелых заболеваниях использовали все известные способы лечения — от травных и магических, до медикаментозных в наши дни.

В основе использования трав в лечебных целях лежат, безусловно, их естественные свойства и многовековой опыт наблюдений. Хорошо зная реальные и мнимые свойства трав, в бытовой практике народ стремился использовать растения с наибольшей полнотой.

Важная роль отводилась растениям, которые защищали людей, их дома и хозяйства от злокозненного влияния недоброжелателей и особенно нечистой силы, что могло по народному мнению вызвать тяжелые заболевания, в том числе ведущие к инвалидизации. Растения широко использовались и в народных обычаях и обрядах, наделяясь, особой силой воздействия, не только способствовали укреплению здоровья, но и могли благоприятствовать семейному счастью, обеспечению урожайности посевов и плодovitости скота. (Токарев, Филимонова 1983: 154).

Многие жители северных деревень и в наши дни продолжают собирать травы, плоды, корни и знают об их лечебных свойствах: *очанка* от расстройства желудка, от головной боли, желудок если болит, ноги отказывают; *грушанка*, *изгон*, *богородска травка* — травы от всех болезней, а *изгон* еще лечит от всех простудных заболеваний; ветки можжевельника и его ягоды — от простуды, кашля и воспалений. Зверобой считался и лечебным, и волшебным растением, он отгоняет болезни и предохранял от порчи. (Кузнецова, Резникова 1992: 86).

На Архангельском Севере время сбора и заготовки трав было разным и с этим связано несколько народных мнений. В северных и центральных районах региона отчетом сбора был один из важнейших народных годовых праздников Иванов день (24 июня / 7 июля). В нем сохранились и своеобразно развились некоторые черты купальской обрядности, что в первую очередь было обусловлено временем, — это день летнего солнцеворота. Именно в ночь на Иванов день собранные травы наделялись, по мнению северян, особой исцеляющей и магической силой. Девушки использовали их для «присушивания», «привязывания» к себе любимых (например, *вязель-травка*). (МИКМ: 15) Под Иванов день ходили в поля, чтобы собрать цветы и травы, которые в другие дни силы не имели, их сушили и в случае какой-нибудь болезни заваривали травяной чай и пили настои. По воспоминаниям Клевакиной А. Е. из с. Засурье Пинежского р-на: «Все травы поспевают к Иванову дню: зверобой, *очанка*, *грушанка*, *калган*, *изгон*, тысячелистник, *богородска травка*, или же на самом деле темьян ползучий, а мы называем богородска травка. Собирают все травы в июле месяце с *Ивановок* или после Петрова дней. Собирают и раньше, но лучше после Петрова дня, пока цветет. Цвет упадет и все, уже не будя сил, а чем позднее, тем хуже».

В южных районах Шенкурском и Вельском придерживаются сезонного времени цветения растений и в большей степени следуют аптечным рекомендациям времени сборов трав и также оберегают свои места, где растет то или иное растение, о чем рассказывала Кондратьева М. И. из Шенкурска: «Копая осенью или весной, или во время цветения. Белоцвет, белозор болотный, так ее во второй половине июня. Сейчас, может, сроки немного сдвинулись, но все равно она где-то 15 июня. Места определенные свои у меня. Боже упаси, кто-то узнает».

На основе собранных трав, корней, семян и ягод изготавливают лечебные средства: разные взвары и настои-отвары, четко разделяя понятие взвар и отвар: «Травы настаиваю — настой делаю, не взвар, а настой. Взвар — это когда кипятят, вот чагу я всю жизнь в русской печке взваривала, после обеда за заслонку ставила. Жары уже нет, и оно там прееет. Так оно там такое, до черноты аж...» (ПМА Котрехова).

Вера в целебные свойства некоторых растений и древесных грибов (*чагу*), даже если они ими и не обладают, по данным официальной медицины, сохранилась и до наших дней. Так, *богородской травкой* на Архангельском Севере называют несколько совершенно различных видов растений, относящихся к виду многолетних полукустарников из рода Тимьян (*Thymus*) семейства Яснотковых (*Lamiaceae*). Именно к этому растению растению относятся очень трепетно: «Богородской называется, потому что от Бога! — делилась со мной Евдокия Михайловка Макурина из села Дорогорское. У неё мелкий голубый цвет, запах бросается прямо в нос, очень приятный. Вырывают-то её с корнем. Садами растёт такими и побольше в горах, где белый, красный у нас известняк». По народному мнению, эта трава способна избавить человека от любой хвори, от детской простуды до разнообразных женских заболеваний. Как вспоминала Котрехова Т. Е. из Шенкурска: «Я сына вылечила богородской травой, были страшные приступы, он вообще задышался с двух лет. В больнице с ним лежала сколько времени. Ой как жаловался: ... мне бо-бо! Я все заваривала её и в термос, и в чайничек» (ПМА).

Многие жители северных деревень не доверяют современным лекарствам, сами лечатся травяными отварами, настоячками, мазями и помогают в этом своим односельчанам. Как рассказывал лесник Лысцев Е. С. из д. Ваймуша Пинежского р-на: «Ко мне все приходят и просят помочь, то голова болит, то живот, то ноги отнялись» (ПМА).

Заключение

Народная медицина редко исцеляла от серьезных заболеваний, ведущих к инвалидности: от последствий серьезных травм, слепоты, глухоты, тем более ментальных и психических расстройств, и онкологии. Однако необходимо признать, что среди севернорусского населения продолжают бытовать разнообразные традиционные представления об инвалидах, присутствует определенная тенденция к их изолированию и стигматизации, также сильны суеверия о рождении больных детей, которые являются отражением религиозной и медицинской моделей инвалидности. Так же сильна вера в исцеление траволечением и магическими средствами.

Этнокультурный феномен *знающего* сохраняется и продолжает играть значительную роль в севернорусской деревне, оставаясь важной частью её жизни. Возможности *знающего* претерпели трансформацию и ограничены, как правило, семейными и хозяйственными рамками. Приспособившись к требованиям новой реальности, этот феномен безусловно достаточно устойчив и обладает локальной спецификой. Вера в колдовство представляет собой своего рода символическую оболочку социальной структуры, имеющую тенденцию к сохранению до тех пор, пока существует особая информационно-коммуникативная среда, характерная для микросоциумов традиционного типа, или «соседских сообществ» (Христофорова 2010: 149), каковой является севернорусская деревня.

Роль и значение трав в жизни населения Архангельского Севера со временем не уменьшилась. И в наши дни используются их целительные, магические свойства для

лечения больных людей. Народные знания в традиции сбора трав, а также способах лечения болезней передаются в семье из поколения в поколение.

Жизнестойкость этих элементов соционормативной культуры севернорусского населения поддерживается в основном женщинами старшего поколения. Этому способствовал и сформировавшийся своеобразный комплекс народной культуры с определенным типом мировоззрения, которому соответствовал скрытый характер народной религиозности.

Источники и материалы

- Ефименко* 1869 — *Ефименко П. С.* Сборник народных юридических обычаев Архангельской губернии. Кн. 1. Архангельск, 1869. 336 с.
- МИКМ — Мезенский историко-краеведческий музей. Д. 1105. Фольклор и обрядность Мезени.
- ПМА — Полевые материалы автора. Архангельская обл. 2005–2024 гг. Информаторы:
- Клевакина А. Е., 1927 г. р., с. Засурье Пинежский р-н;
- Котрехова Т. Е., 1949 г. р. г. Шенкурск Шенкурский р-н;
- Лысцев Е. С., 1929 г. р. д. Ваймуша, Пинежский р-н;
- Макурина Е. М., 1924 г. р. с. Дорогорское Мезенский р-н;
- Кондратьева М. И. 1931 г. р. г. Шенкурск, Шенкурский р-н;
- Бунькова З. И., 1933 г. р. г. Шенкурск, Шенкурский р-н;
- Суховерова М. А., 1931 г. р. д. Шотова Пинежский р-н.

Научная литература

- Бернштам Т. А.* Русская народная культура Поморья в XIX — начале XX в. Л.: Наука, 1983. 432 с.
- Гофман И.* Стигма: Заметки об управлении испорченной идентичностью / пер. с англ. М. С. Добряковой. 2011 (Goffman, I. *Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity*. N. Y.: Prentice-Hall, 1963).
- Жаворонков Р. Н.* Правовое регулирование труда и социального обеспечения инвалидов РФ. М.: У Никитских ворот, 2014. 384 с.
- Калашникова И. В., Тринадцатко А. А.* Эволюция социальных моделей инвалидности // Вестник ТОГУ. 2017. № 3 (46). С. 277–288.
- Кузнецова М. А., Резникова А. С.* Сказания о лекарственных растениях. М.: Высшая школа, 1992. 272 с.
- Носенко-Штейн Е. Э.* Тяжесть стигматов: репрезентация человека с ОВЗ в современной российской массовой литературе. // Койнон. 2021. Том. 2. № 2. С. 48–68.
- Симонова М. М.* Стигматизация Лиц с ограниченными возможностями здоровья в современной России // Инвалиды, инвалидность, инвалидизация. Международная научно-практическая конференция «Инвалиды — инвалидность — инвалидизация», [Нижний Новгород] 27–28 сентября 2018 г. Нижний Новгород: НИСОЦ, 2018. С. 363–367.
- Теребихин Н. М.* Метафизика Севера. Архангельск: Поморский ун-т, 2004. 272 с.
- Токарев С. А., Филимонова Т. Д.* Обряды и обычаи, связанные с растительностью // Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы / отв. ред. С. А. Токарев. М.: Наука, 1983. С. 145–160.
- Фролова А. В.* Антропология инвалидности в культуре материнства и детства (по материалам Архангельского Севера) // Этнографическое обозрение. 2018. № 1. С. 28–35. <https://doi.org/10.7868/s0869541518010037>
- Христофорова О. Б.* Колдуны и жертвы: Антропология колдовства в современной России. М.: ОГИ; РГГУ, 2010. 432 с.
- Ярская-Смирнова Е. Р.* Стигма «инвалидной» сексуальности // В поисках сексуальности / Сборник статей. Под ред. Здравомысловой Е., Темкиной А. СПб: «Дмитрий Буланин», 2002. С. 223–246.

- Jonston D. An Introduction to Disability Studies. 2nd ed. Oxford: David Fulton Publishers, 2005. 172 p.
- Retief M., R. Letšosa. Models of Disability: A Brief Overview, HTS Theologies Studies // Theological Studies. 2018. Vol. 74. No 1. P.1–8. <https://doi.org/10.4102/hts.v74i1.4738>
- Thomas C. Sociologies of Illness and Disability: Contested Ideas in Disability Studies and Medical Sociology. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2007. 312 p.

References

- Bernshtam, T. A. 1983. *Russkaia narodnaia kul'tura Pomor'ia v XIX — nachale XX v.* [Russian Folk Culture of the Pomorie Region in XIX — early XX c.]. Leningrad: Nauka. 432 p.
- Frolova, A. V. 2018. Antropologiiia invalidnosti v kul'ture materinstva i detstva (po materialam Arkhangel'skogo Severa) [Anthropology of Disability in the Culture of the Motherhood and Childhood (Materials of the Arkhangelsk North)]. *Etnograficheskoe obozrenie* 1: 28–35. <https://doi.org/10.7868/s0869541518010037>
- Goffman, E. 1963. *Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity*. New Jersey: Prentice-Hall. 147 p.
- Iarskaia-Smirnova, E. R. 2002. Stigma «invalidnoi» seksual'nosti [Stigma of “Disabling” Sexuality]. In *V poiskakh seksualnosti* [Searching for Sexuality], ed. by E. Zdravomyslova and A. Temkina. Saint Petersburg: Dmitry Bulanin. 223–246.
- Jonston, D. 2005. *An Introduction to Disability Studies*. Oxford: David Fulton Publishers. 172 p.
- Kalashnikova, I. V., and A. A. Trinaadtsko. 2017. Evoliutsiia sotsial'nykh modelei invalidnosti [The Evolution of Social Models of Disability]. *Vestnik ToGU* 3(46): 277–288.
- Khristoforova, O. B. 2010. *Kolduny i zhertvy: antropologiiia koldovstva v sovremennoi Rossii* [Witches and Victims: Anthropology of Witchcraft in Contemporary Russia]. Moscow: OGIRGGU. 432 p.
- Kuznetsova, M. A., and A. S. Reznikova. 1992. *Skazaniia o lekarstvennykh rasteniakh* [Legends about Healing Plants]. Moscow: Visshaia shkola. 272 p.
- Nosenko-Stein, E. E. 2021. Tiazhest stigmatov: reprezentatsiia cheloveka s OVZ v sovremennoi rossiskoi massovoi literature [The Weight of Stigma: Representation of a Disabled Person in the Russian Contemporary Mass Fiction]. *Koinon* 2(2): 48–68.
- Retief, M., and R. Letšosa. 2018. Models of Disability: A Brief Overview. *HTS Theologies Studies / Theological Studies* 74(1): 1–8. <https://doi.org/10.4102/hts.v74i1.4738>
- Simonova, M. M. 2018. Stigmatizatsiia lits s ogranichennymi vozmozhnostiami zdorov'ia v sovremennoi Rossii [Stigmatization of Disabled People in Contemporary Russia]. In *Invalidy, invalidnost, invalidizatsiya* [Disabled People, Disability, Disabilization], ed. by Z. Kh. Saraliev. Nizhny Novgorod: NISOTs. 363–367.
- Terebikhin, N. M. 2004. *Metafizika Severa* [Metaphysics of the North]. Arkhangelsk: Pomorskii universitet. 272 p.
- Thomas, C. 2007. *Sociologies of Illness and Disability: Contested Ideas in Disability Studies and Medical Sociology*. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 312 p.
- Tokarev, S. A., and T. D. Filimonova. 1983. Obyrady i obychai, sviazannye s rastitel'nost'iu [Rites and Customs Related to Plants]. In *Kalendarnye obychai i obyryady v stranakh zarubezhnoy Evropy* [Calendar Customs and Rites in the European Countries Abroad], ed. by S. A. Tokarev. Moscow: Nauka. 145–160.
- Zhavoronkov, R. N. 2014. *Pravovoye regulirovanie truda i sotsialnogo obespecheniia invalidov v Rossiiskoi Federatsii* [Legal Regulation of the Labor and Social Security of Disabled People in the Russian Federation]. Moscow: U Nikitskih vorot. 384 p.